

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Леонид Андреев Оригинальный человек

Наступила минута молчания, и среди лязга ножей о тарелки, смутного говора за дальними столами, шороха одежд и поскрипывания полов под быстрыми ногами лакеев чей-то тихий и кроткий голос произнес:

– А я люблю негритянок!

Антон Иванович поперхнулся водкой, которую глотал; собиравший посуду лакей исподлобья бросил безразлично-любопытный взгляд, все с изумлением обернулись к говорившему, – и тут впервые увидели дробное личико с рыжими усиками, концы которых намокли в водке и шах и темнели, бесцветные маленькие глазки и тщательно причесанную головку Семена Васильевича Котельникова. Пять лет служили они вместе с Котельниковым, каждый день здоровались с ним и прощались, и о чем-то говорили, всякое двадцатое число после получки жалованья вместе с ним обедали в ресторане, как сегодня, и первый раз увидели его. Увидели и изумились. Оказалось, что Семен Васильевич даже недурен, если не считать усиков и веснушек, похожих на грязные брызги от резиновой шины, что он хорошо одевается, и высокий белый воротничок у него самый чистый, хоть и бумажный.

Прокашлявшись, Антон Иванович, столоначальник, еще красный от напряжения, внимательно и любопытно оглядел выпученными глазами смутившегося Семена Васильевича и, задыхаясь, с ударением спросил:

– Так вы, Семен... как вас?

– Семен Васильевич, – напомнил Котельников и выговорил не «Василич», а полностью: «Васильевич», и это всем понравилось, как выражение чувства достоинства и самоуважения.

– Так вы, Семен Васильевич... любите негритянок?

– Да, я очень люблю негритянок.

И голос у него был хотя и тихонький и как будто немного сморщенный, как залежавшаяся щуплая репа, но приятный. Антон Иванович поджал нижнюю губу, так что седые усы уперлись в самый кончик красного, с ямочками, носа, обвел всех чиновников округлившимися глазами и, выдержав необходимую паузу, густо и сочно захохотал:

– Ха-ха-ха! Он любит негритянок! Ха-ха-ха!

И все дружно засмеялись, и толстый и мрачный Ползиков, вообще не умевший смеяться, болезненно заржал: ги-ги-ги! Семен Васильевич тоже хохотал тихоньким и дробным, как сухой горох, смешком, краснел от удовольствия, но в то же время слегка боялся: не вышло бы каких неприятностей.

– Да вы это серьезно? – спросил Антон Иванович, отсмеявшись.

– Вполне серьезно-с. В них, в этих черных женщинах, есть нечто такое пламенное, или, как бы это вам пояснить, экзотическое.

– Экзотическое?

И опять все прыснули, но, смеясь, соображали, что Семен Васильевич даже образованный и умный человек, так как знает такое редкое слово: экзотический. Потом начали с жаром доказывать, что негритянок любить нельзя: они черные, маслянистые, у них невозможно толстые губы, и от них пахнет чем-то дурным.

– А я люблю! – скромно настаивал Семен Васильевич.

– Вольному воля, – решил Антон Иванович. – А я скорее козу полюблю, чем эту черномазую.

Но всем стало приятно, что среди них, на правах их товарища, находится такой

оригинальный человек, который серьезно любит негритянок, и по этому случаю заказали еще полдюжины пива, а на соседние столы, где не было оригинальных людей, стали смотреть с некоторым презрением. И говорить начали громче и развязнее, а Семен Васильевич перестал сам зажигать спичку для своей папиросы и ждал, пока подаст огня лакей. Когда пиво было выпито и заказали еще, толстый Ползиков сурово поглядел на Семена Васильевича и с упреком сказал:

– Почему мы с вами, господин Котельников, до сих пор на «вы»? Кажется, в одном ведь отделении лямку трем. Нужно брудершафт выпить, если вы порядочный человек.

– Извольте. Я с большим удовольствием, – согласился Семен Васильевич. Он то сиял от восторга, что его наконец-то увидели и оценили, то боялся почему-то, что его побьют, и на всякий случай держал руку у груди, чтобы загородить, в случае нужды, лицо и прическу. После Ползикова он выпил на брудершафт с Троицким и Новоселовым и остальными, и так крепко целовался, что губы его распухли. Антон Иванович пить брудершафта не стал, но приветливо заявил:

– Когда будете в наших краях, захаживайте. Хоть вы и любите негритянок, но у меня дочери. Им будет интересно поглядеть на вас. Так вы это серьезно?

Семен Васильевич поклонился, и хотя немного покачивался от пива, но все заметили, что и манеры у него хорошие. По уходе Антона Ивановича еще пили, а потом шумно, всей компанией, шли по Невскому и ни перед кем не сторонились, а сами заставляли всех сторониться. Семен Васильевич шел посередине под руку с Троицким и мрачным Ползиковым и объяснял:

– Нет, брат Костя, ты этого не понимаешь. В негритянках есть нечто особенное, так сказать, экзотическое.

– И понимать не хочу, – говорил Ползиков, – черная и черная, и больше ничего.

– Нет, брат Костя, для этого нужен вкус. Негритянки, они, брат... – До этого дня Семен Васильевич ни разу не думал о негритянках и не мог более точно пояснить, что в них хорошего, и повторил: – Они, брат, пламенные.

– Ну чего ты споришь, Костя! – сердито говорил Троицкий, спотыкаясь и шлепая большой, обмененной калошей. – Удивительный ты спорщик, все не по тебе. Значит, он знает, почему любит. Валяй, Сеня, люби, не слушай дураков. Ты у нас молодец, мы возьмем вот сейчас да скандал устроим. Ей-Богу, какого черта!

– Черная и черная, только и всего, – угрюмо настаивал Ползиков.

– Нет, Костя, ты этого не понимаешь... – объяснял ему кротко Семен Васильевич, и так они шли, качаясь, галдя, споря и толкаясь, и очень довольные.

Через неделю весь департамент знал, что чиновник Котельников очень любит негритянок, а через месяц об этом знали швейцары соседних домов, просители и постовой городской на углу. На Семена Васильевича приходили смотреть из соседних отделений барышни, работавшие на ремингтоне, а он сидел тихонький и скромный, и все не знал наверное, будут хвалить его или побьют. Один раз он был уже на вечере у Антона Ивановича, пил чай с вишневым вареньем на новой камчатной скатерти и объяснял, что в негритянках есть нечто экзотическое. Барышни конфузились, а дочь хозяина, Настенька, читавшая романы, щурилась близорукими глазами, поправляла завитушки и спрашивала:

– Но почему?

И всем было очень приятно, а когда интересный гость ушел, о нем говорили с большим сочувствием, и Настенька называла его жертвой пагубной страсти. И Семену Васильевичу понравилась Настенька, но так как он любил только негритянок, то не решился показать этого, и был хоть и вежлив, но холоден и недоступен. И всю дорогу он думал о негритянках, какие они черные, маслянистые и противные, и при мысли, что он целует одну из них, у него делалось что-то вроде изжоги, хотелось тихонько плакать и писать к матери в провинцию, чтобы она приезжала. Но за ночь он поборол припадок малодушия, и когда утром явился в канцелярию, то по всей его фигуре, по красному галстучку, по таинственному выражению лица видно было, что человек этот очень любит негритянок.

Вскоре после этого Антон Иванович, принявший участие в его судьбе, познакомил его с одним театральным репортером, а репортер бесплатно привел его в кафешантан и представил директору, m-г Жаку Дюкло.

– Вот этот господин, – сказал репортер, выдвигая вперед скромно склонявшегося Семена Васильевича, – вот этот господин очень любит негритянок. Никого, кроме негритянок. Изумительный оригинал. Вы ему, Жак Иванович, окажите поощрение, потому что если таких не поощрять, то кого же поощрять? Это, Жак Иванович, дело общественное.

Репортер покровительственно похлопал Семена Васильевича по узенькой, гладко обтянутой спине, а директор, француз с храбрыми черными усами, вскинул глаза к небу, как бы что-то там отыскивая, сделал решительный жест и, стрельнув черными глазами в продолжавшего кланяться чиновника, сказал:

– Негритянок! Это превосходно. У меня сейчас есть три прекрасные негритянки.

Семен Васильевич слегка побледнел, но m-г Жак очень любил свое учреждение и ничего не заметил. А репортер попросил:

– Да вы ему, Жак Иванович, дайте бесплатный билетик. Сезонный.

С этого вечера Семен Васильевич начал ухаживать за негритянкой, мисс Коррайт, у которой белки глаз были как глубокие тарелки, а самый зрачок не более черносливини. И когда она, медленно поворачивая весь этот снаряд, делала ему глазки, ноги у него холодели, он поспешно кланялся, блестя под электричеством своей напомаженной головкой, и с тоской думал о бедной своей матери, которая живет в провинции. По-русски мисс Коррайт ни слова не понимала, но, к счастью, нашлось много добровольных переводчиков, которые приняли близко к сердцу интересы молодой пары и точно передавали Семену Васильевичу восторженные о нем отзывы черной девицы.

– Она говорит: никогда еще не видала такого любезного и красивого джентльмена. Верно?

Мисс Коррайт учащенно кивала черной головой, скалила зубы, широкие, как клавиши у фортепьяно, и во все стороны двигала своими тарелками. А Семен Васильевич так же бессознательно кивал головой и бормотал:

– Скажите ей, пожалуйста, что в негритянках есть нечто экзотическое.

И все были очень довольны. Когда Семен Васильевич в первый раз целовал негритянке руку, смотреть собрались почти все артисты и многие зрители, и один старый купец, Богдан Корнеич Селиверстов, прослезился от умиления и патриотических чувств. Потом пили шампанское, и два дня у Семена Васильевича было мучительное сердцебиение, он не ходил на службу и несколько раз начинал письмо:

«Дорогая маменька», но от слабости не мог кончить. А когда явился в канцелярию, его пригласили в кабинет его превосходительства. Семен Васильевич пригладил щеткой волосы, вздыбившиеся за время болезни, расправил темные кончики усов, чтобы говорить яснее, и, замирая от страха, вошел.

– Послушайте. Правда, мне сказали, что вы... – Его превосходительство заикнулся. – Правда, что вы любите негритянок?

– Так точно, ваше превосходительство.

Генерал сосредоточил взгляд на его темени, на гладкой середине которого упорно поднимались и дрожали два тонкие волоска, и несколько удивленно, но вместе одобрительно спросил:

– Э, но почему же вы их любите?

– Не могу знать, ваше превосходительство, – ответил Семен Васильевич, так как мужество его покинуло.

– То есть как же не можете знать? Кто же может знать? Э, вы не стесняйтесь, мой милый. Я люблю в моих подчиненных проявление самостоятельности и вообще самодеятельности, если они, конечно, не переходят известных законных границ. Скажите же мне откровенно, как бы вы сказали вашему отцу, почему вы любите негритянок?

– В них, ваше превосходительство, есть нечто экзотическое.

В тот же вечер за генеральским винтом в Английском клубе его превосходительство, сдавая карты пухлыми белыми руками, с деланной небрежностью заметил:

– А у меня в канцелярии есть чиновник, который ужасно любит негритянок. Простой писец, представьте.

И трем другим генералам стало завидно: у них у каждого, в департаменте, было много чиновников, но это были самые обыкновенные, не оригинальные и бесцветные люди, о которых нечего было сказать. Желчный Анатолий Петрович долго думал, остался на верных четырех без одной и за следующей сдачей сказал:

– Вот тоже мой экзекутор: половина бороды черная, а половина рыжая.

Но все поняли, что победа осталась на стороне его превосходительства: экзекутор нисколько не повинен в том, что у него половина бороды рыжая, а половина черная, и, вероятно, сам этому не рад, а указанный чиновник самостоятельно, по доброй воле, любит негритянок, каковое пристрастие, несомненно, свидетельствует о его оригинальных вкусах. А его превосходительство, как бы ничего не замечая, еще добавил:

– Утверждает, что в негритянках есть что-то экзотическое.

Существование во втором департаменте удивительного оригинала создало ему весьма лестную популярность в чиновничьих кругах столицы и породило, как это всегда бывает, много неудачных и жалких подражателей. Один седой и многосемейный писец из шестого департамента, уже двадцать восемь лет незаметно сидевший за своим столом, всенародно заявил, что он умеет лаять по-собачьи, а когда над ним только посмеялись и всем отделением начали лаять, хрюкать и ржать, он очень сконфузился и впал в двухнедельный запой, забыв далее подать рапорт о болезни, как делал во все эти двадцать восемь лет. Другой чиновник, молоденький, притворился влюбленным в жену китайского посланника и на некоторое время привлек к себе общее внимание и даже сочувствие, но опытные взоры скоро различили жалкую и недобросовестную подделку под истинную оригинальность, и неудачник был позорно ввергнут в пучину прежней безвестности. Были и другие попытки в том же роде, и вообще в тот год среди чиновников замечался особый подъем духа, давно таившаяся тоска по оригинальному и с особенной силой охватила чиновничью молодежь и в некоторых случаях повела даже к трагическим последствиям: один канцелярист, сын хороших родителей, не сумев выдумать ничего оригинального, наговорил дерзостей начальству и был изгнан со службы. И у самого Семена Васильевича появились враги, открыто утверждавшие, что он ничего не понимает в негритянках, но как бы в ответ им в одной газете появилось интервью, в котором Семен Васильевич публично заявил, с разрешения начальства, что он любит негритянок за то, что в них есть нечто экзотическое. И звезда Семена Васильевича засияла новым немеркнущим светом.

Теперь на вечерах у Антона Ивановича он стал самым желанным гостем, и Настенька не раз горько плакала – так ей жаль было его загубленную молодость, а он гордо сидел по самой середине стола и, чувствуя направленные отовсюду взгляды, делал несколько меланхолическое и в то же время экзотическое лицо. И всем: и самому Антону Ивановичу, и его гостям, и даже глухой бабушке, перебивавшей на кухне грязную посуду, было приятно, что в доме у них совсем запросто бывает такой оригинальный человек. А Семен Васильевич возвращался домой и плакал в подушку, так как очень любил Настеньку и всей душой ненавидел проклятую мисс Коррайт.

Перед Пасхой прошел слух, что Семен Васильевич женится на негритянке мисс Коррайт, которая для этого случая принимает православие и покидает службу у m-г Жака Дюкло, и что посаженным отцом у него будет сам его превосходительство. Сослуживцы, просители и швейцары поздравляли Семена Васильевича, а он кланялся, хоть и не так низко, как прежде, но еще более галантно, и прилизанная головка его блестела в лучах весеннего солнца. На последнем перед свадьбой вечере у Антона Ивановича он был положительным героем, и только Настенька через каждые полчаса бегала в свою комнатку плакать и так потом пудрилась, что с лица ее пудра сыпалась, как с мельничного жернова мука, и оба соседа ее в черных сюртуках побелели соответственно этому количеству. За ужином все

поздравляли жениха и пили за его здоровье, а разошедшийся Антон Иванович сказал:

– Одно, брат, интересно: какого цвета будут у тебя дети?

– Полосатые, – мрачно сказал Ползиков.

– Как же это, полосатые? – изумились гости.

– А так: полоска белая, полоска черная, полоска белая, полоска черная, – все так же безнадежно пояснил Ползиков, которому всем сердцем жаль было старого друга.

– Не может этого быть! – возмутился побледневший Семен Васильевич, а Настенька, не сдержавшись, всхлипнула и выбежала из-за стола, чем произвела общий переполох.

Два года Семен Васильевич был самым счастливым человеком, и все радовались, глядя на него и вспоминая его необычайную судьбу. Однажды он был принят с супругой у самого его превосходительства и при рождении ребенка получил довольно крупное пособие из сверхсметных сумм, а вскоре затем, вне очереди, был назначен помощником делопроизводителя четвертого стола. И ребенок родился не полосатый, а только слегка серый, вернее, оливковый. И всюду Семен Васильевич говорил о том, как горячо любит он жену и сына, но не торопился возвращаться домой, а возвратившись, не торопился дергать за ручку звонка. А когда на пороге его встречали широкие, как фортепьянные клавиши, зубы и вертящиеся белые тарелки, и гладко причесанная голова его прижималась к чему-то черному, маслянистому и пахнущему мускусом, он весь замирал в чувстве тоски и думал о тех счастливых людях, у которых белые жены и белые дети.

– Милая! – говорил он покорно и, по настоянию счастливой матери, шел смотреть малютку.

Он ненавидел губастого, серого, как асфальт, малютку, но покорно нянчил его, мечтая в глубине души о возможности уронить его нечаянно на пол.

После долгих колебаний и потаенных вздохов он написал матери в провинцию о своей женитьбе и, к удивлению, получил от нее весьма радостный ответ. Ей тоже было приятно, что сын у нее такой оригинальный человек и что сам его превосходительство был посаженным отцом, а относительно черноты тела и дурного запаха она выражалась так: пусть морда овечья, была бы душа человечья.

А через два года Семен Васильевич умер от брюшного тифа. Перед кончиной он послал за приходским священником, и тот с любопытством оглядел бывшую мисс Коррайт, расправил широкую бороду и многозначительно сказал:

– Н-да.

Но видно было, что он уважает Семена Васильевича за оригинальность, хотя и считает ее греховной. Когда батюшка наклонился к умирающему, последний собрал остатки сил и широко раскрыл рот, чтобы закричать:

– Ненавижу этого черномазого дьявола!

Но вспомнил он его превосходительство, пособие из сверхсметных сумм, вспомнил доброго Антона Ивановича и Настеньку, взглянул на черное заплаканное лицо и тихо сказал:

– Я, батюшка, очень люблю негритянок. В них есть нечто экзотическое.

Последним усилием он придал своему костеневшему лицу подобие счастливой улыбки и с ней на устах скончался. И земля равнодушно приняла его, не спрашивая, любил он негритянок или нет, истлила его тело, смешала его кости с неизвестными костями других умерших людей и уничтожила всякий след белого бумажного воротничка.

И второй департамент долго хранил память о Семене Васильевиче, и, когда дожидавшиеся просители начинали скучать, швейцар водил их в свою каморку курить и рассказывал об удивительном чиновнике, который ужасно любил негритянок. И всем, рассказчику и слушателям, становилось приятно.

Комментарии

Впервые – в газете «Курьер», 1902, 24 октября, №294. «Леонидка, друг мой мрачный, ты – сатирик препорядочный! – писал М. Горький Андрееву из Нижнего Новгорода 25...27

октября 1902 г. – «Оригинальный человек» тебе удался безусловно. Болваны будут сердиться. Я – рад» (ЛН, т. 72, с. 163). Позже, 4 февраля 1904 г., в подтверждение своей правоты, М. Горький в письме Андрееву сослался на раздраженный отзыв об «Оригинальном человеке» в статье Н. А. Энгельгардта «Мысли кстати. Работа русского таланта». – «Новое время», 1904, №10029, 4 февраля (там же, с. 190). Размышляя о своеобразии отображения действительности в творчестве Андреева, С. Плевако, приводя в качестве примера рассказ «Оригинальный человек», отмечал: «Андреев иначе концепцирует и иначе обрабатывает свои темы. Его настроения зиждятся на оригинальных интересных основаниях, на фундаменте, созданном исключительно его художнической мыслью, совершенно не считаясь с реальностью» («Крымский курьер», 1902, №311, 1 декабря).

Рассказ переведен на испанский язык и вошел в сборник сочинений Андреева «Los espectros» (Мадрид, 1919).

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)